

Глава 30. Проекция звёзд

Косяки рыб, подобные стаям птиц, дугами проносились мимо, окрашивая небо в великолепные алые оттенки заката. Юноши, затаив дыхание, стояли на носу лодки. В каюте сидел старейшина Тао. В руке, сухой, как старая сосна, он держал курительную трубку. За окном проплывали рыбы жу, и отблески их чешуи играли на его седых волосах. Он долго и задумчиво смотрел на них, а затем, вздохнув, выбил пепел из трубки на стол.

Наконец «Небесный снег» опустился на землю, несомый рыбами.

Цю Бодэн, ступая по лестнице, сотканной из рыбьих тел, сошёл с летающей лодки.

Оказавшись в городе, он обнаружил, что тот окутан пеленой мелкого морозящего дождя, нити которого соединяли небо и землю. Рыбы жу, по-видимому, использовали эту влагу для своих воздушных путешествий.

Крошечные капли повисли на ресницах Цю Бодэна. Он молча оглядывал город. Крыши домов и почётные арки тонули в дождевой дымке, их взлетающие и изгибающиеся линии, величественные и холодные, отпечатывались в его взгляде.

Раздался глухой шлепок.

— Чёрт, — пробормотал Цзо Юэшэн, поднимаясь с земли. Он был совершенно мокрый. — Что за дела? Даже рыбы смотрят, с кем имеют дело?

Он без опаски последовал за Цю Бодэном, но в тот момент, когда его нога уже была готова коснуться спины рыбы, косяк внезапно рассыпался во все стороны, подобно снопу искр. Цзо Юэшэн, не успев найти опору, рухнул лицом вниз, растянувшись на земле.

— Ну, рассудите! — Цзо Юэшэн вытер с лица грязную воду и возмущённо закричал. — Неужели я, великий молодой господин павильона Гор и Морей, достоин лишь того, чтобы носом землю рыть?!

— Он — маленький предок-наставник школы Тайи. По статусу он выше даже твоего отца. А ты, молодой господин павильона, которого в любой момент могут «отстранить», вообще кто такой? — Лу Цзин, наученный горьким опытом Цзо Юэшэна, спустился с лодки, используя свою внутреннюю энергию. Он тоже был немного раздосадован, но, видя, что Цзо Юэшэну досталось ещё больше, сразу обрёл душевное равновесие.

Как говорится, кто-то едет верхом, я — на осле, а позади ещё и пеший плетётся...

Нужно радоваться тому, что имеешь.

— В-вы... вы бессмертные господа, прибывшие в город Жу? — к ним из-за пелены дождя торопливо подбежал человек. — В городе Жу круглый год идут дожди, влажность высокая, прошу бессмертных господ извинить нас.

Пришедший держал в руках семь или восемь зонтов и, говоря это, с трудом пытался раздать их сошедшим с летающей лодки. В суматохе один из зонтов, зажатый под мышкой, с шумом упал на землю. Беспрестанно извиняясь, он нагнулся, чтобы поднять его, но Лоу Цзян опередил его и, подняв зонт, встретился с ним взглядом.

— Пойдите!

Лоу Цзян крепко сжал зонт и широко раскрыл глаза.

Пришедший был молодым человеком в тёмно-красном одеянии жреца города Жу. Он был высок, но лицо его было очень бледным и утончённым. И почему-то Лоу Цзяну это лицо показалось до боли знакомым... таким знакомым, будто он видел его по сто, по двести раз на дню...

— Т-т-ты... ты...

Лоу Цзян вдруг начал заикаться.

Цю Бодэн и остальные уже раскрыли зонты и отошли вперёд. Услышав шум, они обернулись.

И увидели, как Лоу Цзян и пришедший, один держась за ручку зонта, другой — за его кончик, долго смотрели друг на друга. Лоу Цзян, обычно сдержанный и рассудительный, выглядел потрясённым, словно неожиданно встретил кого-то, о ком постоянно думал, но кто был для него недостижим. А тот, напротив, был в полной растерянности, будто совершенно не ожидал, что его застанут в таком плачевном состоянии... Цю Бодэн вдруг понял, почему Цзо Юэшэн и Лоу Цзин так нравились следить за ним и Ши Уло. Любопытство, видимо, было присуще всем.

— Ставлю восемь лян, — понизив голос, сказал Лу Цзин. — У этих двоих точно есть прошлое. Возможно, Лоу Цзян — несчастный, которого «бессердечно бросили».

— Что? — Цзо Юэшэн пришёл в ярость. — Какой ублюдок посмел бросить этого Лоу?! ...Ставлю десять лян, Лоу Цзян всё ещё его любит.

Цю Бодэн внимательно посмотрел на юношу, затем на Лоу Цзяна и решительно заявил:

— Нет, я думаю, это безответная любовь со стороны Лоу Цзяна.

Лоу Цзян, которого то ли бросили, то ли он страдал от неразделённой любви, совершенно не

обращал внимания на их пари. Он просто неотрывно смотрел на человека перед собой.

— Ты... ты...

— Нет, это не я, — быстро отрезал тот, пытаясь вырвать зонт из рук Лоу Цзяна.

Лоу Цзян крепко держался, и они тянули зонт в разные стороны, как при перетягивании каната.

— Да, это он.

Вмешался старческий голос старейшины Тао.

— Ты не ошибся.

Услышав голос старейшины, юноша тут же отпустил зонт, прикрыл лицо рукавом и повернулся, чтобы убежать.

— Куда это ты собрался? — прикрикнул старейшина Тао Жун. — Увидел наставника и даже не поздоровался? Я что, такого неблагодарного ублюдка воспитал?

Лоу Цзян, пошатнувшись, отступил на несколько шагов. Он не мог поверить своим глазам.

— Он и есть Чжоу Цзыянь?

— Верно, — старейшина Тао Жун выпустил кольцо дыма и тяжело произнёс. — В три года достиг Просветления сердца, в шесть — Не-заблуждения, в двенадцать — стадии Укрепления души, в шестнадцать — постиг Дао. Он единственный из молодого поколения учеников, оставивший след от меча на камне павильона. Некогда — первый гений павильона Гор и Морей, а ныне — первый талант по убаюкиванию младенцев.

Лоу Цзян, обхватив зонт, отступил ещё на несколько шагов.

Лицо юноши действительно было ему знакомо, потому что он и впрямь видел его по сто, по двести раз на дню.

Лоу Цзян не всегда был таким сдержанным и рассудительным.

Он стал таким после того, как однажды случайно подслушал разговор старейшин. Они говорили, что его талант, несомненно, велик, но всё же далёк от таланта Чжоу Цзыяня, и в их словах слышалось сожаление. Лоу Цзян, считавший себя главой молодого поколения

павильона Гор и Морей, никак не ожидал, что может быть кто-то лучше него, тем более — «гораздо лучше».

Лоу Цзян три дня и три ночи рылся в архивах павильона и наконец нашёл записи о «Чжоу Цзыяне»... Этот человек действительно был первым гением павильона. Его успехи в совершенствовании поразили Лоу Цзяна. Вот только по какой-то причине записи обрывались на том, что в шестнадцать лет он постиг Дао, а после о нём не было ни слуху ни духу. В павильоне о нём, казалось, вообще не упоминали.

Одно слово «далёк» так подстегнуло Лоу Цзяна, что он, подобно древним учёным, подвешивал себя за волосы к потолочной балке и колот бедро шилом, лишь бы не заснуть за учёбой. Он поклялся, что однажды превзойдёт этого человека в глазах старейшин. Он даже тайно скопировал портрет Чжоу Цзыяня из списка учеников и, когда его одолевало нетерпение во время тренировок, использовал его как мишень для оттачивания меткости своего летающего меча...

В воображении Лоу Цзяна, однажды в будущем он столкнётся с Чжоу Цзыянем.

И тогда, после схватки, полной блеска клинков и яростной борьбы, он свысока бросит ему: «В горах и морях всегда появляются новые таланты, ты уже не тот, кем был вчера».

Но Лоу Цзян никак не ожидал, что его извечный противник, сойдя со страниц его воображения, предстанет перед ним... в таком виде!

— Учитель, не могли бы вы оставить мне хоть немного достоинства перед младшим братом? — Чжоу Цзыянь опустил рукав и неловко улыбнулся. — Зачем же так, «убаюкивающий младенцев»? Хотя бы «городской оракул Жу» сказали...

Неудивительно, что Лу Цзин подумал, будто Лоу Цзяна «бросили». Внешний вид этого бывшего первого гения павильона Гор и Морей и впрямь наводил на странные мысли. Хоть его одежда была опрятной, а волосы аккуратно уложены, за спиной у него в двух цветастых тканевых перевязях сидели два младенца!

Пока он говорил, оба младенца проснулись и, потирая глаза, один за другим принялись громко плакать.

— Не плачьте, не плачьте, хорошие мои.

Чжоу Цзыянь закинул руки за спину и принялся укачивать детей с такой сноровкой, будто достиг в этом деле вершин мастерства.

Лицо Лоу Цзяна выражало вселенскую скорбь.

Цю Бодэн и остальные стояли с открытыми ртами.

Старейшина Тао, в ярости, ткнул трубкой в сторону Чжоу Цзыяня и сказал Лоу Цзяну:

— Почему владыка павильона и старейшины не хотят о нём говорить? Думаешь, это какая-то тайна? Тьфу! Стыд и срам! В шестнадцать лет он постиг Дао, владыка павильона Цзо чуть было не нарушил все правила, чтобы сделать его старейшиной, уже собирал совет, а этот тип упёрся и решил уйти из школы, чтобы стать оракулом. Его и девять быков не смогли бы утащить обратно. С тех пор никакого прогресса! Если ты ещё раз поставишь этого парня себе в пример, смотри, старик тебя выпорот!

— Ну, не то чтобы совсем никакого прогресса... — пробормотал Чжоу Цзыянь. — Из оракула ведь стал городским оракулом.

— У тебя ещё хватает наглости говорить? — старейшина Тао швырнул в него трубкой. — Ушёл, постигнув Дао, и за десять с лишним лет так и остался на той же ступени. Больше не называй меня учителем, у меня нет такого позорного ученика.

Чжоу Цзыянь тут же замолчал.

Лоу Цзян повернулся и, пошатываясь, поплёлся обратно к «Небесному снегу».

— Что это с ним? — шёпотом спросил Лу Цзин.

— Восторженный фанат разочаровался в своём кумире, не может пока принять реальность, — ответил Цю Бодэн, подперев подбородок рукой и задумчиво глядя на происходящее.

Бум.

Лоу Цзян, услышав это, с размаху врезался головой в борт летающей лодки.

— Какой я ему, к чёрту, фанат?! — повернувшись, со звериным выражением лица взревел Лоу Цзян.

Два только что успокоившихся младенца, напуганные его криком, снова заплакали. Чжоу Цзыянь снова принялся их умело укачивать. Старейшина Тао снова запыхтел, как паровоз, выпуская дым из ноздрей... Рыбы жу грациозно проплывали мимо. Цю Бодэн огляделся и вдруг понял, что этот город вовсе не кажется ему «холодным и одиноким».

Чжоу Цзыянь, держа по младенцу в каждой руке, вёл их по улицам и переулкам.

— Город Жу славится своим алым узорчатым шёлком, его цвет — самый яркий в Поднебесной...

Говоря это, Чжоу Цзыянь продолжал вести их.

Шёлковое производство в городе Жу процветало. Почти у каждого дома стояли ткацкие станки, а в керамических чанах с краской, испускавшей слабое сияние, замачивали ткань. Чжоу Цзыянь объяснил, что рыбы жу в городе каждый год меняют чешую. Жители собирают сброшенную чешую, измельчают её в порошок и используют для окрашивания ткани. Так ткань приобретает тот же цвет, что и у красных рыб жу.

Ткань, полученную таким образом, горожане называют «дарованной красной». Она ценится так же высоко, как и вино из опавших листьев и воды реки Цзянь в городе Фу.

Цю Бодэн шёл под зонтом позади Чжоу Цзыяня.

На шестах по обеим сторонам улицы висели алые и тёмно-красные шёлковые ткани. Между ними, словно рыбы в море, резвились большие и маленькие красные рыбы жу. Дождь падал на шёлк, и от воды тот становился ещё ярче. Иногда капли краски, взметнувшиеся от удара рыбьего хвоста, разлетались в воздухе, рассыпаясь мириадами искр, словно маленькие фейерверки.

По пути к ним то и дело подплывали красные рыбы жу, тёрлись лбами о руку Чжоу Цзыяня, хлопали его по щеке своими блестящими хвостами, цеплялись плавниками за волосы.

Чжоу Цзыянь, казалось, привык к этому.

Когда рыбы жу собирались в косяк, это было величественное и прекрасное зрелище. Но когда они плавали по всему городу поодиночке, следуя за людьми, гоняясь друг за другом или прячась по углам, они выглядели очень живыми и милыми. Цзо Юэшэн и остальные не удержались и протянули руки, чтобы поиграть с ними, но стоило им это сделать, как рыбы молниеносно уплывали прочь.

А вот возле Цю Бодэна, который спокойно шёл под зонтом, рыб было немало.

Они гонялись за полами его одежды, играли с ним в прятки, то и дело натываясь на его руку. Цю Бодэн поймал одну такую рыбку, и та даже не пыталась вырваться.

— Малыши немного разыгрались, — извинился за них Чжоу Цзыянь.

Цю Бодэн покачал головой, давая понять, что ничего страшного.

Он поднёс руку к глазам.

На самом деле, он лишь слегка придерживал рыбку, и та, по своим размерам, легко могла бы выскользнуть. Но она спокойно лежала в его ладони, её жабры, похожие на лепестки персика, то открывались, то закрывались, а свет её тела, пробиваясь сквозь пальцы, то разгорался, то угасал. Цю Бодэну показалось, будто он держит в руках не рыбу, а маленькую звёздочку.

— Я впервые вижу, чтобы они так тянулись к чужаку, — с удивлением сказал Чжоу Цзыянь. — Вы им нравитесь.

Нравятся... ему?

Цю Бодэн раскрыл ладонь. Маленькая рыбка жу легонько коснулась кончиков его пальцев, вильнула хвостом и выплыла из-под зонта.

Они могли находиться в бездождливом пространстве, но недолго.

— Я смотрю, алое одеяние почтенного Цю сшито из шёлка города Жу, — сказал Чжоу Цзыянь. — Вам интересно? Я могу показать вам ту самую божественную рыбу, что дарует красный цвет.

— Так много рыб, ты что, можешь их различить? — спросил Цзо Юэшэн. Ему было любопытно узнать побольше об этом бывшем первом гении павильона Гор и Морей. Однажды его отец, напившись, полдня проклинал это имя, ругая заодно и его самого. Мол, если бы в нём была хоть десятая часть таланта Чжоу Цзыяня, ему не пришлось бы так беспокоиться.

Но Цзо Юэшэн, в отличие от Лоу Цзяна, был толстокожим, и такие слова на него не действовали. Он и не стремился быть чьей-то «десятой частью».

Разве быть повесой не веселее, чем гением?

— Могу, — улыбнулся Чжоу Цзыянь и, указав на двух рыб, сказал: — Видите, эта тёмно-алая, а та — светло-пурпурная. У этой хвост длиннее, у той — короче... их легко различить.

Цзо Юэшэн и остальные молча смотрели, как две абсолютно одинаковые по размеру, форме и цвету рыбы проплывают мимо них.

...Легко различить?

— Впрочем, я — городской оракул, мне не нужно их разглядывать, чтобы знать, кто есть кто, —

с улыбкой добавил Чжоу Цзыянь.

— В городе Жу, наверное, сотни миллионов рыб, — внезапно спросил Е Цан.

Чжоу Цзыянь с удивлением посмотрел на этого худого и высокого юношу в «странной одежде», который следовал за маленьким предком-наставником Тайи, и слегка кивнул.

— Даже городскому оракулу нелегко запомнить столько рыб, — сказал Е Цан.

Он был когда-то оракулом города Фу, и притом — самым одарённым.

Рыб в городе Жу было столько же, сколько листьев на божественном дереве Фу. И даже Е Цан не мог бы сказать, что знает, чем отличается каждый лист на том дереве.

Старейшина Тао Жун тяжело хмыкнул.

Лоу Цзян, который выглядел довольно подавленным, вдруг понял, почему Чжоу Цзыянь, покинув школу и вернувшись в город, «не добился никакого прогресса»... У того, кто пытается запомнить всех рыб в городе, вряд ли останется время на совершенствование!

— Кхм-кхм... — Чжоу Цзыянь поспешил сменить тему. Проходя мимо одного из домов, он передал ребёнка из левой руки вышедшей из дома женщине. — Тётушка Ян, вы уже закончили с тканью.

Женщина взяла ребёнка и с благодарностью улыбнулась Чжоу Цзыяню:

— Цзыянь, ты опять кого-то встречаешь? Это же Лю Хуцзы, да? Оставь его, я потом отведу его к тётушке Лю, тебе же нужно делами заниматься.

Жители города Жу, вероятно, из-за того, что рождались и росли под дождём, говорили с мягким и нежным акцентом.

— А я думал, это его дети, — тихо сказал Цю Бодэн Лу Цзину и остальным.

Те молча кивнули.

— Вообще-то, они сначала так и подумали.

Вскоре Цю Бодэн и его спутники воочию убедились, скольких детей в этом городе опекал Чжоу Цзыянь... Любой малыш, который уже умел ходить, спотыкаясь, бежал к нему, чтобы схватить за рукав или обнять за ногу. А те, кто ещё не ходил, цеплялись за бортики колыбели, пытались

встать, и лепетали что-то на своём младенческом языке. Чжоу Цзыянь же, казалось, знал к ним особый подход. В его руках будто бы хранился бесконечный запас конфет и пирожных, и он в любой момент мог достать угощение, чтобы отвлечь ребёнка.

— Он один заменяет собой весь детский сад, — заметил Цю Бодэн.

Неудивительно, что старейшина Тао назвал его «первым талантом по убаюкиванию младенцев», и неудивительно, что павильон Гор и Морей, казалось, хотел вычеркнуть его имя из своих летописей.

Любая школа, взрастив редкий талант, возлагает на него большие надежды, ждёт, когда он станет новой опорой, когда прославит свою школу и заставит другие школы позеленеть от зависти. А этот талант, не успев расцвести, сворачивает с пути, отказывается от славы и уединяется в захолустье, чтобы разводить рыб и нянчить детей...

Тут кто угодно разозлится!

Цю Бодэн подумал, что в его прошлой жизни Чжоу Цзыянь наверняка был бы тем самым студентом, который, поступив в лучший университет, бросает учёбу на полпути и возвращается в деревню разводить свиней.

Возможно, о нём даже написали бы в новостях.

— Вообще-то, мне кое-что другое интересно... — Лу Цзин огляделся по сторонам. — Почему они не пользуются зонтами? И почему под дождём их одежда не промокает?

— Амиабха, — монах Пуду, перебирая чётки, с улыбкой сказал. — Милостивый господин Лу, вы, должно быть, не знаете. Жители города Жу после рождения получают от божественных рыб чешую жизни. Тот, кто получил чешую жизни, подобно рыбе, привыкает к дождю и любит влагу. Но чешуя жизни проявляется лишь во время великого праздника.

Чжоу Цзыянь с удивлением посмотрел на монаха Буду:

— Этот мастер бывал в городе Жу?

— Не называйте меня мастером, не называйте, — обрадовался монах Пуду. С тех пор, как его изречение «Саньду-сань-буду» разлетелось по Поднебесной, его редко кто так уважительно называл. Он даже успел соскучиться. — Бедный монах лишь случайно слышал об этом.

— Мастер весьма осведомлён, — сказал Чжоу Цзыянь. — Всё именно так... А, вот и Ведомство городских оракулов. Прошу вас, входите.

Это был первый раз, когда Цю Бодэн посещал Ведомство городских оракулов.

В городе Фу его это не особо интересовало, а потом, во время мятежа, огонь уничтожил несколько улиц в восточной части города, заодно спалив и ведомство — скорее всего, бывший городской оракул Гэ Цин пытался таким образом уничтожить улики. Когда Цю Бодэн очнулся, город Фу был занят расчисткой улиц и заботой о божественном дереве, и до восстановления ведомства руки ещё не дошли.

Ведомство в каждом городе имело свой неповторимый стиль.

Ведомство городских оракулов в городе Жу было построено на озере. Длинные мосты и галереи лежали на серебристых волнах, водяная дымка переливалась радужным светом. Жрицы в алых юбках двигались грациозно, словно рыбы, а жрецы в красных одеяниях, будь то могучие воины или утончённые юноши, ступали с огненной решимостью. Цю Бодэн, одетый в алое, идущий по галерее, даже казался одним из них.

В главном зале не было свечей, вместо них горели круглые, как жемчужины, светильники.

Чжоу Цзыянь с почтением усадил старейшину Тао во главе стола. Старейшина, стукнув трубкой, повернулся к Цю Бодэну.

Тот, не глядя на них, сел у двери, любуясь видом на озеро. Остальные хотели было последовать его примеру, но, встретив свирепый взгляд старейшины Тао, сжались и послушно сели на свои места, с завистью поглядывая на Цю Бодэна... Главным образом потому, что с самого прибытия в город Жу старейшина был в дурном настроении, и его присутствие давило.

— Я понял, зачем пришёл учитель, — после того, как старейшина Тао грубо изложил суть дела, на бледном и утончённом лице Чжоу Цзыяня появилось неловкое выражение. — Учитель хочет воспользоваться телепортационной формацией, и ученик, естественно, не возражает, вот только... учитель прибыл не вовремя...

— Хм?

— Телепортационная формация города Жу... несколько дней назад рыбы отгрызли от неё кусок... — смущённо сказал Чжоу Цзыянь. — Сейчас её чинят.

Старейшина Тао нахмурился:

— Сколько времени это займёт?

Чжоу Цзыянь прикинул:

— Дня два.

— ... — Старейшина Тао молча затянулся трубкой.

Цзо Юэшэн и остальные с надеждой смотрели на него. Они впервые были в городе Жу, впервые видели этот город, где рыбы и люди жили вместе в небесном пруду. По пути они вертели головами во все стороны, жалея, что у них нет ещё пары глаз. Услышав, что телепортационная формация сломана, они очень обрадовались.

Старейшина Тао метнул в них гневный взгляд.

— Найди нам жильё, — недовольно проворчал он. — И чем дальше от твоего проклятого ведомства, тем лучше.

Чжоу Цзыянь поспешно согласился. Видя, что старейшина Тао собирается встать, он торопливо добавил:

— У ученика есть ещё одна просьба...

Старейшина Тао с такой силой стукнул трубкой по столу, что Цзо Юэшэн и остальные подпрыгнули.

Чжоу Цзыянь замер.

— Разве я не говорил? — старейшина Тао, не глядя на него, сказал. — Больше не упоминай об этом.

— Цзыянь знает, — прямая спина Чжоу Цзыяня медленно согнулась. — Цзыянь хотел сказать не об этом... Цзыянь лишь хотел попросить старейшину завтра провести для города Жу небесное жертвоприношение.

Он опустил голову, глядя на чай в своей чашке.

— Божественные рыбы жу проснулись раньше времени. Цзыянь думает, что, возможно, если провести небесное жертвоприношение, месяц миазмов в городе Жу закончится раньше.

Цю Бодэн сел на деревянный настил у самой воды.

После того, как Чжоу Цзыянь перестал называть себя «учеником» и обращаться к старейшине

Тао «учитель», атмосфера в главном зале стала очень тяжёлой. Ему не нравилась такая обстановка, и он просто встал и вышел. Выйдя, он обнаружил, что галереи Ведомства городских оракулов были настоящим лабиринтом. Через каждые несколько шагов встречались беседки и павильоны, и, покрутившись, он быстро заблудился.

Побродив ещё немного и так и не найдя дороги назад, Цю Бодэн решил далеко не ходить и просто сел.

Он опустил взгляд на воду.

В озере плавало множество полупрозрачных шариков диаметром около дюйма, излучавших мягкий белый свет. Они колыхались на волнах, извиваясь, словно маленькие фонарики, упавшие на дно, или проекция звёздного ночного неба из другого мира.

— Это икра рыб жу.

Когда Цю Бодэн попытался выловить один такой шарик, Чжоу Цзыянь, закончивший свой разговор, нашёл его.

— Так любишь этот город? — внезапно спросил Цю Бодэн, не оборачиваясь. — Готов на всё ради него?

Чжоу Цзыянь вздрогнул, его рука чуть было не легла на рукоять меча.

<http://bllate.org/book/16967/1587576>